

ОТЗЫВ

на выпускную квалификационную работу магистранта кафедры славянской филологии
филологического факультета СПбГУ Каратаевой Д.С.

на тему:

«Рецепция творчества Н.В. Гоголя в сербской реалистической литературе»

Творчество Н.В. Гоголя, одного из самобытнейших и, как представляется, не до конца оценённых писателей в истории русской и шире – европейской – литературы, является благодатным полем научных исследований в самых разных аспектах: от лексики и стилистики до философского осмысления и интерпретации художественных образов, созданных писателем.

Работа Д.С. Каратаевой вызывает несомненный интерес: хорошо известно, что творчество Н.В. Гоголя в своё время оказало влияние и на русскую, и на целый ряд других национальных литератур – помимо сербской, упомянем, в частности, и чешскую.

На страницах работы её автор демонстрирует владение и знакомство с большим количеством литературных текстов-источников, Д.С. Каратаева ознакомилась и с большим количеством критической и теоретической литературы вопроса: в работе достаточно много ссылок на работы российских и сербских исследователей. Иногда складывается впечатление, что не все цитаты имеют указания на своих авторов (впрочем, рецензент не настаивает на этом утверждении). Вообще, наверное, главным недостатком работы при её чтении было невольное ощущение того, что автор находится в «цейтноте»: ему явно не хватило времени, во-первых внимательно вычитать свою работу и исправить стилистические неточности (а порой и явные небрежности (например, фраза на с. 10: «Их отличительной чертой стала гражданская активного и любовь к народу»), многочисленные опечатки, а также привести в порядок сноски и форматирование работы в целом. Вызывает удивление и частое игнорирование автором традиционно принятого сокращения фамилий и имён (указываются лишь фамилии), хотя в целом ряде случаев (особенно для сербских авторов) имя, наоборот, указывается полностью.

На «спешность» в написании работы указывает и некоторая логическая непоследовательность, частые излишние повторы одного и того же постулата в самых разных частях работы, из-за чего в некоторые моменты текст воспринимается как «лоскутное одеяло» из цитат научной литературы, мыслей автора, исторических сведений и фрагментов художественных произведений.

Заявляя на с. 5, что «научная новизна заключается в том, что впервые дается не сопоставление Гоголя с отдельными авторами, а эволюция восприятия Гоголя литературой сербского реализма в целом», автор, тем не менее, всё-таки более сосредоточен именно на сопоставлении Н.В. Гоголя с указанными авторами. В работе – как в отдельных главах, так и в

целом в заключении – отсутствуют чётко сформулированные выводы, чётко и конкретно определяющие роль русского писателя в становлении русского реализма, некоторые сформулированные в Заключении постулаты логичны и понятны, но несколько «расплывчатые» в формулировках и несколько «бессистемны». Так, например, хотелось бы более внятного раскрытия тезиса на с. 78: «Отталкиваясь от романтизма, (в оригинале текста пропущена запятая – А.С.) сербская реалистическая проза в своих поисках средств сближения с жизнью использует произведения Гоголя и под его влиянием стремится изменить функцию фольклора». О каких произведениях Н.В. Гоголя идёт речь, что имеется в виду под «изменением функции (выделено нами – АС) фольклора» и с какой целью это делалось? На этой же странице находим и такой пассаж: «Национальные варианты развития реализма, роль литературных связей и влияний привлекали и привлекают внимание исследователей. И все-таки мы не можем считать их достаточно изученными». Невольно напрашивается вопрос: а какой именно вклад в изучение этого вопроса внесла сама исследовательница – автор рецензируемой работы?

На с. 5-след Введения, ставя цели и задачи исследования, автор говорит о том, что работа должна «способствовать выявлению определенных закономерностей развития сербского реализма, его национальных особенностей». Национальные особенности сербского реализма представлены в работе вполне убедительно (хотя и не всегда последовательно), но вот системное представление закономерностей его развития отражено в значительно меньшей степени и не сформулировано чётко в выводах. Надеюсь, что замечания по части чёткости выводов будут учтены Д.С. Каратаевой на защите и прозвучат в её выступлении.

Хотелось бы, чтобы автор прокомментировал следующий пассаж: «Во второй половине XIX развитие сербской литературы было осложнено тем, что народ был разъединен политически и территориально: часть сербов была под Османской империей, другая часть (княжество Сербия) платила дань Турции, третья часть (автономная область Воеводины) входила в состав Австрийского королевства». Мой вопрос состоит в том: что автор понимает под «Османской империей», а что под «Турцией», если мы говорим о периоде второй половины XIX века?

Во второй главе, посвящённой М. Глишичу, как кажется, автор несколько излишне-детально останавливается на биографических фактах его жизни в ущерб сопоставления именно с творчеством Гоголя. Более удачно автор работы реализует свой замысел в третьей и четвёртой главах, посвящённых Б. Нушичу и С. Сремацу: там и Гоголя больше, и, что самое главное, – больше примеров текстов писателей (хотя, на мой взгляд, можно было бы привести больше примеров из текстов самого Н.В. Гоголя).

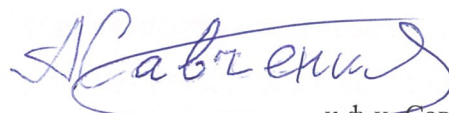
Несмотря на достаточное количество критических замечаний (призванных не обидеть и показать автору исследования его «слабость» или некомпетентность, а, наоборот, демонстрирующих заинтересованность рецензента в предложенной теме, размышление над

возможными вариантами интерпретации отдельных спорных моментов работы) в работе есть ряд удачных и важных наблюдений, среди которых я особо бы выделил следующий фрагмент: «Определенную роль в популярности Гоголя у сербов сыграло обращение его к жизни украинского народа: сходство исторических судеб, длительная борьба за свободу и независимость, близость языка, нравов, обычаев, народного творчества – очень многое сближало их с сербами» (с. 20). Это важно и для истории русской литературы, для которой Гоголь «открыл» Украину, обогатив русский литературный язык большим количеством «украинизмов».

Вызывает одобрение финал работы, где её автор «перекидывает мостик» в современность – от Гоголя и его влияния на сербских реалистов 19 – начала 20 вв. к классикам современной сербской литературы, в частности, М. Павичу. Замечательны и примечательны и последние слова автора работы, цитирующие ещё одного «литературного Классика» – И. Гёте: «Как утверждал Гете “каждое решение какой-либо проблемы, есть новая проблема”». Ещё раз отметим, что Д.С. Каратаева взялась за интересную, актуальную, но далеко не простую тему, требующую не только прекрасного владения языком (русским и сербским), знания текстов-первоисточников Н.В. Гоголя и его сербских последователей, но и все тонкости общественно-политической жизни России и Сербии рассматриваемого исторического периода, необходимо хорошо ориентироваться в историческом контексте эпохи. Сумел ли автор решить поставленную проблему, и если да – то насколько? Представленная работа, которая, судя по названию её жанра, является больше «квалификационной», нежели «научно-исследовательской», в основном соответствует заявленному жанру. Автор явно неравнодушен к избранной им теме, хотя, очевидно, ему не всегда хватает научной чёткости, последовательности, логичности в подаче материала. Тем не менее, поставленная проблема освещена в достаточной степени, подкреплена теоретической базой, вызывают интерес и желание «продолжить дискуссию в кулуарах» некоторые аспекты восприятия творчества Н.В. Гоголя сербскими писателями и отдельные высказывания автора, работа отвечает всем предъявляемым требованиям, что в совокупности даёт возможность положительно оценить представленную работу.

Ассистент-профессор

Государственного университета Чжэнчжи

к.ф.н. Савченко А.В.

«30» мая 2018 г. _____

